

СМОЛИНА К. П.

КОМПОНЕНТНЫЙ АНАЛИЗ И СЕМАНТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ В ИСТОРИИ СЛОВ

Перед историком-лексикологом постоянно встает один и тот же вопрос: как выявить объективные критерии для наиболее точного и полного описания лексического значения? Лексическое значение слова в каждый конкретный период развития языка — это определенным образом организованный комплекс семантических компонентов — сем¹. На это не раз указывали лингвисты². Однако специфика семантического компонента (семы) до сих пор остается недостаточно изученной. И прежде всего ее структурная организация.

Под семантическим компонентом (семой) нами понимается минимальная семантическая единица лексического значения, отражающая тот или иной конкретный признак предмета, явления или понятия, с которыми соотносено данное лексическое значение³.

Остановимся несколько подробнее на второй части этого определения: каждая сема лексического значения детерминирована конкретным признаком того или иного предмета, понятия или явления, с которым соотносено данное лексическое значение. Таким образом, количественный состав сем в пределах лексического значения легко обозрим. В некоторых работах мы встречаемся с противоположной точкой зрения: «Членение семемы (т. е. лексического значения. — С. К.) на семы теоретически бесконечно, его предел обусловлен мерой человеческого знания о денотате, обозначенном словом» (разрядка наша. — С. К.). Однако далее читаем: «Но в практических целях членение семемы на семы выполняется в ограниченных пределах в зависимости от поставленных задач» [5, с. 38]. С этим высказыванием вряд ли можно согласиться. И в теоретическом и в практическом плане членение лексического значения на семы не может быть безграничным, точно так же, как не могут быть безграничными и признаки предметов, явлений, с которыми соотносится лексическое значение. Именно объем лексического значения детерминирует конечный состав сем. Вот почему, на наш взгляд, в цитированной выше работе [5] неправомерно выделены у слова *учитель* такие, например, се-

¹ В работах, в основном использующих метод компонентного анализа, для обозначения семантического компонента употребляется целый ряд терминов: «сема»; «фигура плана содержания», «семантический множитель», «семантические составляющие», «семантический различитель», «элементарная частица смысла», «элементарные смыслы слова», «сущность», «значимость», «дифференциальный признак», «семантический маркер», «семантический примитив», «семантический признак». Нам представляется целесообразным использование терминов «семантический компонент» или «сема» (термин «сема» был впервые введен В. Скаличкой), которые нашли самое широкое применение в лингвистической литературе.

² Ср. высказывание Д. Н. Шмелева: «Исследование семантических изменений, происходящих в лексике, подтверждает, что в семантической структуре слова объективно могут быть выделены отдельные элементы, которые и составляют в совокупности лексическое значение слова» [1, с. 219]. Об использовании семантических компонентов в описании лексических значений пишет и Ю. Н. Караулов: «Значение... можно представить как некоторое множество дифференциальных семантических признаков, или компонентов значения» [2, с. 106]; см. также [3, с. 4].

³ Исходя из такого понимания семантического компонента значения, правомерно, по-видимому, соотношение значения с пучком признаков, как это делает, например, Р. Клаппенбах [4]. Существует и иная трактовка компонента значения: применительно к толкующей части словаря компонент значения понимается некоторыми исследователями как каждое отдельное слово в толковании (см., например [2, с. 140]).

мы, как «строгий», «культурный», «любит детей». Данные признаки не формируют лексическое значение существительного *учитель*.

Следует несколько слов сказать о семантическом статусе семы. Отражая конкретный признак денотата и, таким образом, объективно существуя в лексическом значении, отдельная сема лексического значения в отличие от него самого не обладает самостоятельным семантическим статусом. Не обладая им, сема тем не менее является полноправной единицей семантического описания, что особенно отчетливо выявляется в тех случаях, когда она становится инвариантом того или иного лексического множества или является дифференцирующим признаком членов его составляющих. Семантический инвариант и дифференцирующая сема определяют характер лексических группировок и принципы их организации. Лексическое значение же характеризуется самостоятельным семантическим статусом, который и составляет его онтологическую сущность. Именно лексическое значение слова в неразрывном единстве с его формой и создает такой уникальный языковой знак, как слово. Препарация же лексического значения на семы — это один из исследовательских приемов, необходимый для определенного рода семантического анализа.

Лексическое значение — это комплекс сем, имеющий как более простое, так и более сложное семантическое строение. Это зависит от различного характера соотношения словесного знака с денотативной, предметной сферой. У одних слов денотат связан с представлением о конкретных предметах, явлениях действительности. В таком случае семантические компоненты в лексическом значении слова выступают рельефно и отчетливо. Для других характерна объективация более обобщенных понятий, в которых находят отражение более сложные явления реальной действительности. Именно в таких обобщенных понятиях заложены определенные потенциальные возможности для развития в сигнификативной сфере лексического значения⁴ не какого-то одного релевантного признака объекта, а целого ряда различительных, определяющих признаков. Это, бесспорно, усложняет семантическое строение слова, выявляя в нем добавочные смысловые элементы, нередко представленные имплицитно и являющиеся, таким образом, для исследователя более скрытыми.

В русском языке, в период с XI по XVII вв., существовала обширная группа слов, связанная с обозначением имущества, собственности. Понятие имущества, собственности в исследуемый исторический период было довольно сложным и включало в себя не какой-то один, а целое множество различных признаков. Сложность понятия предопределяет и сложность семантического строения слов, их многосемность. Препарируя лексические значения слов имущественной сферы, можно вычленить целый ряд сем как более обобщенных, так и более конкретных. Семантический инвариант, центрирующий всю лексико-семантическую группу, — обобщенная сема: «совокупность материальных ценностей как предметов обладания, имущество, собственность вообще». Более конкретная сема обозначает определенный вид имущества (например, движимое имущество). Следующая ступень конкретизации — семы, связанные с обозначением «предметов, вещей, употребляемых в конкретном обиходе». Для многих слов имущественной сферы характерна и сема «принадлежности». Определить же их становится особенно важным при историческом изучении лексической семантики. С этой точки зрения представляет особый интерес изучение конфигураций сем в значениях слов в конкретный или конкретные периоды развития языка, исследование изменения семного состава в дальнейшей их истории: выявление сем устойчивых и неустойчивых, изучение их перераспределения в значении (приглушение одних и индустрирование других, актуализация периферийных и угасание ядерных сем). Все эти вопросы особенно актуальны при историческом изучении семантики как отдельного слова, когда необходимо установить этапы его смысло-

⁴ «Сигнификат и денотат, находящиеся друг с другом в отношениях как содержание понятия к объему понятия, составляют основу значения словесного знака» [6].

вого развития, так и целых лексико-семантических разрядов слов⁵, когда выявление семантических компонентов (сем) в значениях семантически близких слов помогает определить различные типы смысловых связей между ними в определенные исторические периоды и на основе этого установить динамику изменений этих связей в последующие периоды развития языка.

Существует несколько методов выделения семантических компонентов в лексическом значении и их проверки. Семантические компоненты слова выявляются: 1) методом эксперимента⁶, 2) методом компонентного анализа⁷, 3) с помощью словарных дефиниций [13], 4) методом дистрибутивного анализа [14, 15].

Эффективность того или иного метода оценивается исследователями по-разному. Так, к опросу информантов как к методу изучения смысловой структуры слова некоторые лингвисты относятся весьма скептически. Й. Коржинек (представитель Пражского лингвистического кружка) еще в 1936 г. по этому поводу писал: «...Осознание языковой структуры наивным носителем языка, так называемое „чувство языка“, чаще всего оказывается очень примитивным по сравнению с языковым чутьем лингвиста... Поэтому языковое чутье наивного информанта неправильно расценивать — а это присуще некоторым лингвистам — как критерий, важный также и для лингвистики» [16].

Нет единого мнения и по поводу словарных дефиниций как объективного метода выделения в слове семантических компонентов. Одни исследователи рассматривают словарные дефиниции как один из возможных способов выявления семантических компонентов в словарном значении. Другие — словарные дефиниции в силу их «статичности» не считают надежным объектом для обнаружения семантических компонентов в лексическом значении.

Но так или иначе и информант, и специалист-исследователь современной лексики как носители языка «ощущают» (разумеется, по-разному) внутренние закономерности его лексико-семантической системы, что позволяет с меньшей или большей полнотой все же проникнуть в смысловую структуру слова. Данные современных словарей, где лексикографическая обработка смыслового содержания слова основывается на серьезном исследовании в области теории его лексического значения, сколько бы мы ни говорили о недостатках в его толковании, для семасиолога в его конкретных исследованиях, бесспорно, важны.

⁵ Именно в этом видит перспективу исследования исторической лексической семантики славянских языков чешский лингвист Й. Филипец, который в ответах на вопросы по славянскому языкознанию к IX Международному съезду славистов писал: «Лексическая единица в своем значении отражает определенный класс фактов, — речь идет об отношении денотации, референции, экстенсии. Эти отношения, однако, предполагают интенциональное ограничение объема значения прежде всего с точки зрения родственных слов (частная система). Если нам нужно что-либо обозначить словами *pahorek* „пригорок“, *vrch* „холм“, *kopce* „горка“, *hora* „гора“, у нас для этого должны быть определенные критерии. Лексическая семантика вследствие этого не может ограничиться выявлением денотации, она обязана определять значение лексической единицы в связи с ее манифестациями (тем, что будет общим для репертуара их употребления в контекстуальных сочетаниях), в парадигматических связях...» [7].

⁶ Метод эксперимента включает в себя два направления: первое заключается в том, что информацию о слове, о семантических компонентах его лексического значения дают сами информанты (см., например, работу Э. Бендикса [8]). Второе направление рассматривает данные, полученные от информантов, как процедуру проверки правильности выделения в слове семантических компонентов, проведенную самим исследователем (см., например, работы О. Н. Селиверстовой). «Принципиальная возможность проверки результатов семантического описания определяется тем, — пишет О. Н. Селиверстова, — что люди, владеющие данным языком, знают значение слова. Поэтому процедуры проверки должны выявить соответствие полученных результатов той информации, которую действительно получает слушатель и передает говорящий... Мы предложили следующие типы проверки смысловых признаков: прямой опрос информантов о том, действительно ли получают они выделенные исследователем сведения...» [9, с. 7]; см. также [10].

⁷ Методу компонентного анализа в лексике посвящены многочисленные работы как у нас в стране, так и за рубежом: например, работы О. Н. Селиверстовой, М. Д. Степановой, Э. М. Медниковой, А. М. Кузнецова и др. О направлениях в разработке метода компонентного анализа применительно к лексическому материалу см. [11], а также [12].

Иначе обстоит дело при изучении исторической семантики слова. Метод эксперимента, связанный с опросом информантов, в данном случае явно не срабатывает, т. к. ни информант, ни исследователь не являются носителями языка более ранних эпох. Симптоматичны в этом плане данные, приведенные в статье Л. В. Капорулиной «Историческая изменчивость семантики отдельного слова». Был приведен следующий эксперимент. Студентов III и IV курсов филологического факультета ЛГУ им. А. А. Жданова просили определить значение существительного *начетчик*. «Ни один из опрошенных (их было 15) вне контекста не смог определить, кто такой начетчик...» [17, с. 122], хотя «начетчик в русском языке — сравнительно молодое слово. Первая его словарная фиксация принадлежит САР (1814)» [17, с. 124].

Несомненно, что для историка-семасиолога данные исторических словарей, материалы которых дают исследователю возможность решать целый ряд как конкретных, так и общетеоретических лексико-семасиологических проблем, чрезвычайно важны. Однако, когда важно выявить семантические компоненты в лексическом значении слова в тот или иной исторический период развития языка и установить его семантическую эволюцию, не всегда можно полностью опереться на данные словарей, т. к. картотеки словарей характеризуют, естественно, не все случаи употребления слова, что порождает неточное описание его смысловой организации, а в некоторых случаях нужное для исследователя слово оказывается в картотеке не зафиксированным.

Одним из объективных инструментов в определении семантических компонентов в лексическом значении слова в истории языка является изучение его синтагматических и парадигматических связей.

Интеграция в слове связей синтагматического и парадигматического характера и делает его основной единицей лексико-семантической системы языка. Это важнейшее теоретическое положение не раз подчеркивалось исследователями. Ср., например, высказывание И. Вахека: «Слово принадлежит двум зонам или двум уровням языка: уровню номинации... и уровню синтаксиса» [18]. А. А. Уфимцева пишет, что «...оно (т. е. слово. — С. К.), как никакой другой элемент языка, находится на пересечении двух основных языковых координат — парадигматической и синтагматической» [19, с. 47]⁸.

Проблема «парадигматического» и «синтагматического» в словесном знаке рассматривается во многих работах прежде всего как общетеоретическая проблема, связанная с разграничением смысловых потенций слова в языке как в системе и в речи как конкретной реализации этой системы. Между тем анализ парадигматических и синтагматических связей слов чрезвычайно важен при его конкретных историко-семантических исследованиях, и прежде всего в плане изучения лексического значения слова, и тесно связан с изучением его контекстного окружения.

Анализ контекста при исследовании различных аспектов языка занял довольно прочное место как в советской, так и в зарубежной лингвистике. Для лексикологов и семасиологов важность анализа контекста при исследовании лексического значения слова в настоящее время является бесспорной и всеми признанной. В этом заслуга трудов В. В. Виноградова, и прежде всего его работ, поднимающих важные теоретические вопросы, связанные с изучением смысловой структуры слова. В статье «Основные типы лексических значений слова» В. В. Виноградов прямо соотносит анализ значения слова с изучением его контекстного окружения: «Значение слова определяется не только соответствием его тому понятию, которое выражается с помощью этого слова...; оно зависит... от общественно осознанных и отстоявшихся контекстов его употребления, от конкретных лек-

⁸ Ср. также высказывание Д. Н. Шмелева: «Закономерности чередования (парадигматические отношения) и закономерности сочетания (синтагматические отношения) взаимообусловлены... Каждое значение слова характеризуется особыми парадигматическими отношениями, точно так же как и особенностями сочетаемости с другими словами, что и находит отражение в семантической структуре данного слова» [1, с. 156].

сических связей его с другими словами, обусловленных присущими данному языку законами сочетания словесных значений...» [20].

Эти общие указания В. В. Виноградова, необычайно перспективные при изучении исторической семантики слова, стимулируют дальнейший углубленный анализ контекстного окружения слова. Так, Н. Г. Михайловская, изучая системные связи в лексике древнерусского языка, широко использует анализ контекстуальных условий употребления слова, потому что «именно в конкретных условиях текста осуществляется реализация значения» [21, с. 7] (см. об этом же [22, 23]).

Попытаемся показать важность изучения текстологических связей слова для выявления семного состава его лексического значения и установления на этой основе общего семантического инварианта для совокупности слов, связанных с обозначением имущества, собственности и дифференцирующих сем в их значениях.

В лингвистической литературе последних десятилетий существует многообразие определений текстов (или контекстов)⁹. Одни исследователи понимают его узко (ср. следующее определение: «... контекстом надо называть не окружение вообще, а релевантные признаки окружения» [28]), другие — более широко. В данной статье в определении термина «контекст» мы идем вслед за Н. Ю. Шведовой, И. Р. Гальпериным, Г. В. Колшанским, понимающими его достаточно широко. Н. Ю. Шведова вкладывает в понятие «контекста» содержание, «соответствующее как тому, что называется указательным минимумом, так и тому, что служит языковым окружением, языковой обстановкой вообще» [24, с. 144]. И. Р. Гальперин определял «контекст» как «лингвистическую ситуацию», в которой «наблюдаются, анализируются и конкретизируются особенности языковых факторов, являющихся объектом исследования» [29]. Г. В. Колшанский говорил о «контексте» как о грамматически организованном единстве, в котором реализуется семантика единиц всех уровней [30], см. также [31].

Итак, контекстное окружение — один из объективных критериев в определении семантических компонентов в значениях слов. Особая роль в контекстном окружении принадлежит парадигматическим и синтагматическим связям слова, которые становятся релевантными в определенной контекстной позиции слова¹⁰.

Под контекстной позицией слова понимается такое его место в контекстном окружении, которое отчетливо репрезентирует семный состав его лексического значения. Только тщательный анализ контекстных позиций слов, детальное изучение их синтагматических и парадигматических связей дает объективную картину формирования и развития их лексических значений. Остановимся на этом более подробно. Выявление и классификация семантических компонентов происходят в разных типах контекстных позиций. Первый тип контекстной позиции определяется местом слова в таком контекстном окружении, которое реализует конкретный семантический компонент в синтагматических связях. Синтагматические связи характеризуются разной структурной организацией, выявляющей отличия количественного и качественного порядка¹¹. Для них характерна разная степень (меньшая или большая) линейной развернутости. Реализация семантических компонентов в лексических значениях или появление новых семантических значимостей в смысловой структуре слова происходит в разных типах синтагматических связей: релевантна может быть семантика контактных, дистантных

⁹ О различных видах (типах) контекстов см. [24, с. 144; 19, с. 259—260; 25]. Понятие контекста находит свое теоретическое обоснование и в ряде зарубежных лингвистических работ (см., например [26, 27]).

¹⁰ Чрезвычайно плодотворным для нас явилось положение Д. Н. Шмелева о позиционной обусловленности значения [1, с. 156, 161].

¹¹ О том, какие параметры актуализируются в понятии лексической синтагматики, см. [19, с. 200—228].

слов, синтаксические конструкции с их определенным лексическим наполнением¹².

Второй тип контекстной позиции слова определяется местом слова в контекстном окружении, выявляющем определенные смысловые оппозиции парадигматически соотнесенных слов.

В качестве примера первого типа контекстной позиции рассмотрим синтагматические связи существительного *казна* в древнерусском языке. Письменные памятники древнерусского языка фиксируют необычайно широкое употребление этого существительного. Первая его фиксация относится приблизительно к XIV в. Ср. пример, приведенный в «Материалах» И. Срезневского (т. I, стлб. 1176): *А что наши данщикы сберуть въ городѣ, и въ станѣхъ, и въ варехъ, тому ити в мою казну* (Дог. гр. Дм. Ив. 1389). Как отмечают этимологические словари русского языка, существительное *казна* — заимствование из тюркских языков. В русском языке XI—XVII вв. оно характеризовалось емкой смысловой структурой. Лексические значения этого слова состояли как из обобщенных семантических компонентов (сем), так и более конкретных. Анализ источников показывает, что существительное *казна* на протяжении всего этого периода широко функционировало в своем наиболее обобщенном значении «совокупность материальных ценностей в виде движимого имущества, составляющего собственность князей, духовенства, бояр в период феодальной раздробленности на Руси и собственность государя и государства в период образования феодального государства».

Это значение имеет четырехсемный состав. Первая сема, являющаяся инвариантом для всей лексико-семантической группы, обозначающей имущество, собственность: «то, что находится во владении, распоряжении кого-л., имущество». Вторая сема качественно характеризует имущество: «совокупность материальных ценностей». Третья сема квалифицирует определенный вид собственности, имущества: «движимое имущество». Четвертая сема обозначает принадлежность: «наименование субъекта владения — преимущественно не частного лица». Все эти семы отчетливо проецируются на синтагматическом уровне существительного *казна*, в типах связи, которые для него характерны: определяемое — определяющее; имя — глагол; конструктивно обусловленные сочетания. Исключительно важное значение приобретает во всех типах связи их лексическое наполнение.

Приведем примеры. Семы, обозначающие «совокупность материальных ценностей» и определенный вид имущества: «движимое имущество» являются в сочетаниях существительного *казна* с глаголами *вывозить*, *взять*, *поимать*, употребляющихся в значении «брать с собой» — *Взяша казну ея [царевны] на своя подводы у наших подводчиков* (Псков. I л. 6981 г.); *А изъ тѣхъ городовъ неприятельскихъ люди выбѣжали и казну вывели* (Зап. Желяб., 1695, с. 58); *И въѣха Юрьи въ Москву и сѣде на княженѣи, а князя Василья Васильевича, брата на своего, все княженіе и казну поима* (Псков. I л. 6942 г.).

Отчетливо проявляет синтагматика слова *казна* сему «принадлежности». На «принадлежность» указывают как согласованные, так и несогласованные определения. По отношению к существительному *казна* они могут занимать как положение препозиции, так и постпозиции. Ср. следующие примеры, приведенные в «Материалах» И. Срезневского: *А что наши данщикы сберуть въ городѣ, и въ станѣхъ, и въ варяхъ, тому ити въ мою казну...* (Дог. гр. Дм. 1389); *А дань даетъ ко казнѣ великого князя по уроку* (Дух. гр. Вл. Андр. 1410 г.); *Давали дань и ямъ въ мою казну* (Дог. гр. Дм. к вел. кн. Вас. Вас. 1433); *Дано изъ государевы изъ отписной казны...* бархат бурской (Расходн. кн. 1584—1585 г.); *И ему Семену то... все на немъ Михайлѣ взять въ государеву казну* (Баг. Мат. XXXV с. 149, 1688—ДРС)¹³.

¹² Изучение данного типа контекстной позиции по существу смыкается с анализом дистрибутивных связей слов, который прочно вошел в изучение семантики слова. О сущности и надежности дистрибутивного метода в семантике см. [32—34].

¹³ Здесь и далее в материалах, извлеченных из картотеки Словаря русского языка XI—XVII вв., ставятся буквы — ДРС. Сокращение картотеки не раскрывается.

В исследуемых памятниках регулярно встречаются сочетания существительного *казна* с прилагательными, представляющими собой открытый ряд и манифестирующими связи реального мира. Эти сочетания конкретизируют сему «движимое имущество» в «определенный вид движимого имущества, конкретных запасов чего-л». Таким образом, существительное *казна* имеет и другое, более узкое значение: «определенный вид движимого имущества, конкретные запасы чего-л». Ср. сочетания: *денежная казна* (и мн. ч. *денежные казны*) «денежные запасы», *соболиная казна* «мех соболя», *мягкая казна* «пушнина», *хлебная казна*, *аптекарская казна*, *седельная казна*, *санная казна*, *постельная казна*, *платьная казна*, *судовая казна*, *серебряная казна*, *медная казна*, *оловянная казна*, *ризная казна*.

Приведем ряд примеров. *Денежная казна*: А ныне станичники ваши атаманъ Дементей Гавриловъ съ товарищи съ Москвы на Воронежъ отпущено съ нашею *денежною казною* (Цар. Грам. Донск. Войску 1641, Дон. д. II, с. 92 — ДРС); *Соболиная казна*: Въ прошломъ 128 году послана въ Вязьму къ воеводамъ... государева *соболиная казна* на городовое дѣло и на хлѣбную попку... (АМГ I. Наказ воеводам, 1621, с. 162 — ДРС); *Мягкая казна*: Было послано *мягкие казны* на десять тысячъ (в «Материалах» И. Срезневского, т. I. стлб. 1177); *Хлебная казна*: И тое государевы *хлѣбные казны* чиница уторъ и мышеѣдство большое потому, бываетъ та твоя государева *хлѣбная казна* за всякимъ цѣловалникомъ многіе лѣта (ДАИ V, 1665—66, с. 24 — ДРС); ср. варьирующееся с ним синонимическое сочетание *хлебные запасы*: А что по ево Семенову сѣту на Михайлѣ Сусловъ государевы *денежные казны* и *хлебныхъ запасовъ* или инова чѣво начтено будетъ и ему Семену то все на немъ Михайлѣ взять въ государеву казну (Баг. Мат. XXXVI, 1688, с. 143 — ДРС); *Книжная казна*: В томъ кляшторе есть книжное сокровище всякихъ премудрыхъ философскихъ и богословскихъ книгъ, во всей Германіи такой *книжной казны* нѣтъ (Косм. 1670, с. 50 — ДРС).

С рядом прилагательных существительное *казна* составляет терминированные сочетания. Ср. сочетания *холщевая казна*, *белая казна*, соотносящиеся с обозначением определенного рода материи: Взято Лопатного ряду у торгового человѣка у Михайла Павлова въ Посольской приказъ къ *холщевой казнѣ*, что посылать на Донъ съ казаками, двадцать пять рогожъ долгихъ полторы сажени, цена за рогожу по четыре копейки. (Дон. д. II, с. 781 — ДРС); И тое государеву *белую казну* велети делавицамъ двойныхъ и тройныхъ полотен ткани часто и гладко, и убрусы брати чисто и гладко... (Асташ. Кадаш. сл. 1630, с. 55 — ДРС).

Сочетания *оружейная казна*, *пушечная казна*, *зеленая казна*, *свинцовая казна*, *пороховая казна* обозначают «запасы разного рода боеприпасов и вооружения»: Та де королевнина *оружейная казна* у меня въ приказе, и язъ де тѣмъ оружьемъ и дарю (Пам. дипл. снош. МГ с Англиею, II, 1582, с. 39 — ДРС); Бояринъ и воевода Иван Богдановичъ Милославской... *пороховую* и *свинцовую казну* запечатал тою печатью... (Ворон. а. 1671, с. 262 — ДРС).

Ряд конструкций реализует еще одно конкретное значение: «место хранения разного рода имущества, запасов». Ср. конструкции: *положить в казну*, *лежать в казне* — Сорок рублей денег *положил в большую казну*... (Кн. прих.-расх. Ант. м. № 1, 1589, л. 273 об — ДРС); А тѣ ядра *лежатъ в казнѣ* (ДАИ, IX, 1681, с. 181 — ДРС). Ср. также сочетания с глаголами, обозначающими «быть расположенным, находиться где-л.»: А противъ каменные полаты, гдѣ *стоитъ* наша великого государя *зеленая* и *пушечная казна*, осыпалось сажени на четыре и болши.. (АЮБ I с. 293 — ДРС).

Итак, приведенный здесь анализ синтагматических связей существительного *казна* показывает, что только тщательное изучение их в тексте дает возможность исследователю с достаточной глубиной проникнуть в смысловую структуру слова и определить его семантический статус в самые отдаленные периоды его исторического развития. Недооценка этих факторов может привести к неточному пониманию значения слова. Именно так произошло в Энциклопедическом словаре Русского Библио-

графического Института «Гранат», где существительное *казна* соотносится только с конкретным видом движимого имущества — домашним имуществом, что является неверным. Ср. определение слова *казна* в этом словаре: «Казна (араб.) в первоначальном словоупотреблении — разные виды домашнего имущества. Теперь К обозначаются имущественные средства государства, а в переносном смысле и само государство, как субъект имущественных прав» [35].

Рассмотрим второй тип контекстной позиции слова, который определяется местом слова в контекстном окружении, выявляющем определенные смысловые оппозиции парадигматически соотнесенных слов. В качестве примера приведем одно из значений существительного *животы* (ед. ч. *живот*), связанное с наименованием имущества, собственности. Это значение конструируется двумя семами: обобщенной «материальные ценности как целое» и более конкретной «движимое имущество». Эта конкретная сема отчетливо выступает в контекстном окружении, выявляющем определенные смысловые корреляции парадигматически связанных слов: «И по смерти своей отписываю въ домъ Вознесенію Христову и Введенію пречистой Богородицы по купчей своей *землю* въ Студименскомъ ...А досталь *живота* моего, скоть и платье, и сребряное, и мѣдное, и желѣзное, и всякой житейской запасъ, и хлѣбъ дѣтям моимъ... (Список с духовной Цыварева 1614, апр. 4, с. 20); ... а *помѣстья* его и *вотчины*, и *животы* взяти на государя (Ул. Ал. Мих. 1649 г., с. 61 — ДРС); ... которые стрельцы будутъ побиты, и тѣхъ *живот* и *вотчины* продавать (Зап. Желяб., 1683, с. 13); У них *дворы* и *животы* погорели (Арх. Он. Кн. власт. указ. 1688 — ДРС).

В данных примерах дихотомия движимость /недвижимость реализуется в смысловом сопоставлении слова *животы* (*живот*) словом *земля*, *дворы*, *помѣстья*, *вотчины*.

Итак, изучение контекстных позиций слов, реализующих их парадигматические и синтагматические связи для выявления семантических компонентов в их лексических значениях, представляется чрезвычайно важным. Это позволяет, во-первых, установить семантический потенциал слов в определенные периоды их развития; во-вторых, обнаружить как устойчивые, так и неустойчивые смысловые элементы в значениях, что дает возможность достаточно четко восстанавливать семантические контуры слов на том или ином этапе их смыслового развития и установить определенные тенденции в развитии их лексических значений, а это особенно важно для исторической семасиологии; в-третьих, при изучении не отдельного слова, а групп слов в историческом аспекте наиболее точно определить семантический инвариант — некий общий признак, заключенный в смысловой структуре слов определенных групп и объединяющий эти слова в лексические множества, определить дифференциальные признаки, так как наличие общего признака предполагает одновременно и существование отдельного, частного дифференциального признака, и на основе этого установить характер лексических группировок, а внутри них типы системных отношений между их членами.

ИСТОЧНИКИ

- Псков I л. — Псковская I летопись. — В кн.: Псковские летописи. Вып. I. М.—Л., 1941.
Зап. Желяб. — Записки Желябужского с 1682 по 2 июля 1709 г. СПб., 1840.
Список с духовной Цыварева — Акты Холмогорской и Устюжской Епархии. Ч. II. СПб., 1894.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.
2. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М., 1976.
3. Караулов Ю. Н. Частотный словарь семантических множителей русского языка. М., 1981.
4. Клаппенбах Р. Словарь современного немецкого языка. — В кн.: Актуальные проблемы языковедения ГДР. Язык — идеология общества. М., 1979, с. 283.
5. Попова З. Д., Стернин И. А. Лексическая система языка. Воронеж, 1984.

6. Уфимцева А. А. Типы словесных знаков. М., 1974, с. 44.
7. Филипец И.— ВЯ, № 4, 1983, с. 51.— Ответ на вопрос № 21.
8. Bendix E. H. Componential analysis of general vocabulary: The semantic structure of a set of verbs in English, Hindi and Japanese. Bloomington, 1966.
9. Селиверстова О. Н. Семантический анализ слов типа *все*, *all* и типа *кто-нибудь*, *some* в русском и английском языках: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1965, с. 7.
10. Селиверстова О. Н. Компонентный анализ многозначных слов. (На материале некоторых русских глаголов). М., 1975.
11. Долгих Н. Г. О трех направлениях в разработке метода компонентного анализа применительно к лексическому материалу.— ФН, 1971, № 12.
12. Вейнрейх У. О семантической структуре языка.— В кн.: Новое в лингвистике. Вып. V. М., 1976.
13. Уфимцева А. А. К вопросу о так называемом дефиниционном методе описания лексического значения слов.— В кн.: Слово в грамматике и словаре. М., 1984.
14. Михневич А. Е. Некоторые вопросы системной организации лексики и принципов ее описания.— В кн.: Беларуская лексікалогія і этымалогія: Праграма і тэзісы докладаў міжрэспубліканскай канферэнцыі па беларускай лексікалогіі і этымалогіі. 19—23 лютага 1968. Мінск, 1968.
15. Долгих Н. С. Семантическое поле глаголов эмоций в современном английском языке. Тбилиси, 1970.
16. Коржинец И. М. К вопросу о языке и речи.— В кн.: Пражский лингвистический кружок. М., 1967, с. 318—319.
17. Капорулина Л. В. Историческая изменчивость семантики отдельного слова.— В кн.: Русская историческая лексикология и лексикография. Вып. 3. Л., 1983.
18. Вахек И. Лингвистический словарь пражской школы. М., 1964, с. 202.
19. Уфимцева А. А. Слово в лексико-семантической системе языка. М., 1968.
20. Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова.— В кн.: Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977, с. 165.
21. Михайловская Н. Г. Системные связи в лексике древнерусского книжно-письменного языка XI—XIV вв. Нормативный аспект. М., 1980, с. 7.
22. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974, с. 349.
23. Маковский М. М. Системность и асистемность в языке. М., 1980, с. 40.
24. Шевцова Н. Ю. Типы контекстов, конструирующих многоаспектное описание слова.— В кн.: Русский язык. Текст как целое и компоненты текста (Виноградовские чтения. XI). М., 1982.
25. Кодузов В. И. Контекст как лингвистическое понятие.— В кн.: Языковые единицы и контекст. Л., 1973, с. 18.
26. Ullmann S. The principles of semantics. Glasgow, 1951, p. 65.
27. Meyer P. M. Die militärischen Titel.— Zeitschrift für deutsche Wortforschung, 1910, Bd. 12.
28. Литвинов В. П. О выходе грамматики в систему текста.— В кн.: Лингвистика текста: Материалы научной конференции. Ч. I. М., 1974, с. 175.
29. Гальперин И. Г. О понятии — «текст».— В кн.: Лингвистика текста: Материалы научной конференции. Ч. I. М., 1974, с. 67.
30. Колшанский Г. В. О понятии контекстной семантики.— В кн.: Теория языка. Ангlistика. Кельтология. М., Наука, 1976.
31. Колшанский Г. В. О природе контекста.— ВЯ, № 4, 1959.
32. Кузнецова А. И. Структурные методы анализа языка на семантическом уровне.— В кн.: Актуальные проблемы лексикологии: Тезисы докладов лингвистической конференции. Новосибирск, 1967.
33. Раевский М. В. Дистрибутивный анализ в исследовании лексических синонимов.— В кн.: Тезисы докладов межвузовской конференции по применению структурных и стилистических методов исследования словарного состава языка. М., 1961.
34. Перебейнос В. И. Опыт использования структурных методов для разграничения многозначного глагола.— В кн.: Тезисы докладов межвузовской конференции по применению структурных и стилистических методов исследования словарного состава языка. М., 1961.
35. Энциклопедический словарь Русского Библиографического Института «Гранат». М., б. г. т. 23, стлб. 142.